

УДК 82-4

П.П. Каминский

ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО В ПУБЛИЦИСТИКЕ**В. АСТАФЬЕВА И В. РАСПУТИНА***

Исследованы взгляды В. Астафьева и В. Распутина на современную экологическую ситуацию, которая трактуется в публицистике как кризис существования человечества на современном этапе, требующий от него самоопределения в бытии, этической коррекции отношений в системе «природная среда / человек». Помимо социального, в статье выделен онтологический план рефлексии писателей (размышления о природе человека и его месте в бытии). Проанализированы экологические программы В. Астафьева и В. Распутина, предусматривающие две стратегии: организационную (защита внешнего пространства существования – окружающей среды) и этическую (защита внутреннего пространства существования – нравственности и культуры). Ключевые слова: В. Астафьев, В. Распутин, публицистика, очерк, экология, человек, природа, общество.

Отсчет истории отечественного движения в защиту природы принято начинать с 1960-х гг., когда многие выдающиеся ученые, писатели, деятели культуры и журналисты выступили против строительства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (введен в строй в 1966 г.). Одним из основных средств борьбы за сохранение окружающей среды, начиная с работы В. Чивилихина о Байкале «Светлое око Сибири» (1963) и статей С. Залыгина «Леса, земли, воды» (1962), «Леса, земли, воды и ведомство», «Дело народное, а не ведомственное» (1963), стала «предфактумная» (И.В. Кузнецов) публицистика, упреждающая катастрофические последствия покорения природы, предупреждающая о них. Публицистическая деятельность С. Залыгина способствовала прекращению работ по проекту Нижне-Обской ГЭС, благодаря усилиям публицистики удалось добиться сначала приостановления, а потом и закрытия проекта поворота северных сибирских рек, в апреле 1987 г. ЦК КПСС и Совмин СССР приняли постановление о кардинальных мерах по защите бассейна озера Байкал от загрязнений, о перепрофилировании Байкальского ЦБК и развитии на берегах озера туристической и санаторно-курортной инфраструктуры.

В 1970-е гг. в экологическое движение вливаются В. Распутин и В. Астафьев, становясь одними из самых значительных его участников. В публицистике В. Распутина без внимания не остается ни одна из «болевых точек» на экологической карте Сибири. Все локальные экологические противоречия предстают как составляющие единого регионального и шире – планетарного кризиса экологии. Разрушение экосистем и истощение по экспоненте природных ресурсов оценивается как пограничная ситуация между жизнью и смертью, к которой пришло человечество, избрав неверный, гибельный путь развития.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-04-64401 а/Т).

В. Астафьев, обращаясь к проблемам экологии, изображает то, с чем хорошо знаком, – разграбленный в послевоенное время Урал, изуродованную в ходе варварских лесозаготовок и промышленного строительства реку Чусовую; пристально рассматриваются экологические проблемы Красноярского края, вызванные гидростроительством (последствия строительства Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС для климата и экологии, возможные последствия строительства Туруханской ГЭС в Эвенкии), истребление тайги и загрязнение окружающей среды в районах нефтегазовых промыслов и т.д. В контекст публицистических размышлений включаются проблемы Байкала, Арала, Иссык-Куля, Азовского, Каспийского (строительство дамбы в заливе Кара-Богаз) морей, последствия гидростроительства на российских реках Каме, Волге, Доне, Днепре. При этом Сибирь и вся Россия вписаны в общемировой контекст: «погибшие воды» Эльбы, Рейна, Сены и т.д.

Современная экологическая ситуация (истощение ресурсов, исчезновение флоры и фауны, климатические изменения, нарушение природного равновесия, баланса экосистем, а также прямые последствия деятельности человека по преобразованию природы – вымирание коренных народов в результате разрушения автаркических пространств, духовная энтропия общества в целом) трактуется как самоистребление человечества в общепланетарном масштабе, ускорившееся во второй половине XX в. (развитие средств вмешательства в природу в связи с достижениями научно-технического прогресса). Реальность рубежа тысячелетий ставит человека перед лицом выбора – определения своего места в бытии, итогом которого станет гибель или обновление.

Таким образом, экологическая проблематика в публицистике В. Астафьева и В. Распутина образует, помимо социального, онтологический план рефлексии.

В концепции В. Астафьева, в природе человека заложены как созидательные, так и разрушительные начала, сосуществующие на протяжении истории. В. Астафьев выделяет «безумие» – имманентный, генетически заложенный и развивающийся с прогрессом человечества порок, исключаяющий ответственность и вменяемость существования. Безумие – начало, противоположное разуму, не-разум, неразумие, актуализированное в двух основных значениях: как безрассудство, «бездумность» – склонность к безрассудным поступкам, противоречащим здравому смыслу, и как сумасшествие – потеря рассудка, помешательство, мания. Безумие проявляется в форме агрессии и обуславливает экспансионистскую модель поведения.

Для характеристики человеческой природы писатель использует в универсальном смысле понятия «хищничество» и «браконьерство» – способ существования за счет другого, основанный на эксплуатации, несправедливом присвоении (ограблении, расхищении) и т.д. Хищничество – это и характеристика отношения человека к пространству существования, и отношений между людьми (их общностями): «Человек всегда искал упрощенные и легкие решения, кратчайшие пути к благоденствию, счастью и разрешению всевозможных тайн и загадок. Самый из них короткий и простой способ жить хорошо, благоденствовать, не утруждая себя, – это ни о чем не заботиться, отобрать хлеб у ближнего, не отдаст – смять его, растоптать,

уничтожить» [1. С. 8–9]. Насилие является органическим продолжением этой части природы человека, становится частью социального поведения, в основе которого – отсутствие чувства меры и непонимание универсальных законов взаимосвязи всего живого. Именно на ощущении этой взаимосвязи формируется разумное начало, источник которого – онтология. Природа – разумно организованное пространство жизни, все элементы которого упорядочены, находятся в сложном динамическом равновесии и направлены на утверждение жизни (образ рыбы-ленка в очерке «Вечно живи, речка Виви», 1989).

История человечества, таким образом, определяется постоянной борьбой разума и безумия. Сложное взаимодействие этих противоположных интенций В. Астафьев иллюстрирует историей кризиса средиземноморской цивилизации на исходе первого тысячелетия новой эры в очерке «Лес не шумит, лес стонет» (1992). Люди научились уже «...строить корабли и отважно на них плавать», но и «делать вино и пить его», ковать оружие и употреблять «его на ограбление ближайших земель» [2. С. 46]. Отказ от трудового (разумного) начала в пользу гедонистического в итоге рождает страх как утрату способности к духовной ориентации цивилизации. По мнению В. Астафьева, этот этап длится несколько веков и охватывает период Средневековья, за которым следует эпоха Ренессанса – возрождение культуры, расширение картины мира в ходе активного познания, модернизация. Но вместе с достижениями человеческого духа множится и зло, прогресс предоставляет новые средства и способы разрушения: «И чем дальше, тем больше плоды труда употребляются против него же, человека, назначены на истребление всего живого на земле и в первую голову самого производителя» [Там же. С. 47]. Природа прогресса в его научно-техническом воплощении обнаруживает несостоятельность, ведет в тупик: «По этой <...> причине не верю и в мировую гармонию, тем более достижение ее посредством научно-технической революции» [3. С. 290]. Логика исторического процесса заключается в постоянной усугубляющейся инволюции, необратимом движении к концу – мировоззрение В. Астафьева отличает эсхатологизм.

Склонный к безумию, человек отчуждается как от природы, лона, в котором зарождается человеческое существо, которое наделяет его разумными задатками, так и от себя самого как природного существа с заповеданной ему миссией продления жизни и ответственности за ее пространство – становится Чужим, утрачивает родство¹. Это обуславливает фундаментальный антагонизм человека и природы в современности.

Писатель подчеркивает особую остроту протекания этих процессов в России в связи с обстоятельствами исторического характера: «Думаю, что в движении сем, не делающем чести существу под названием ЧЕЛОВЕК, мы, жители Великой, в убожество впавшей державы по масштабам разрушения

¹ В процессе развития человек теряет знание о своем месте в бытии, заповеданном Богом. В очерке «Лес не шумит, лес стонет» В. Астафьев рассказывает о древней рукописи на выцветшем лоскутке кожи в Патмосском монастыре, которую не могут расшифровать современные ученые – «Послание нам от людей или земных существ, только-только овладевающих письменностью и еще не имеющих бумаги. <...> Послание нам вечного мира, добра и веры в Бога» [2. С. 44–45].

природы и самих себя занимаем отнюдь не почетное первое место, идем в авангарде, так сказать, движения к краху и полному банкротству» [4. С. 294].

В публицистике В. Распутина с 1980-х гг. формируется цивилизационная концепция экологического кризиса [5–9]. Как и В. Астафьев, современную стадию социогенеза В. Распутин оценивает как заключительную и необратимую фазу процесса выделения человека из природной среды, создавшей естественные предпосылки существования и развития общества. Социум, являясь частью биосферы, со временем обособляется в активно противостоящее ей начало, составляет антитезу природе и всему природному, что усиливается в техногенный период развития цивилизации. Научно-технический переворот в производстве стремительно возвышает человека над природой, нарушая их естественные связи.

С точки зрения В. Распутина, возросшие возможности преобразования природы рождают убеждение в неограниченных возможностях человеческого разума и утилитарно-прагматический, потребительский подход к природе, взгляд на нее как на источник прибыли, ресурсов, сырья, бездонный резервуар отходов, косную и инертную силу, требующую покорения. Это нарушение гармонии в системе бытия грозит человечеству гибелью: кризис экологии, катастрофическое обеднение в области духовной жизни; деградация общества стимулирует процесс его самоуничтожения: «Последнее произошло моментально – произошло в самолюбивом угаре, не считающемся с пользой и не стесняющемся в средствах. Это <...> своего рода рубикон между человеческой эволюцией и революцией; с определенного момента, почувствовав себя вершиной развития, человек отлепился от единого природного организма и повел свою судьбу самостоятельно, приведя к результату, который мы имеем сегодня» [8. С. 100].

В. Распутин фиксирует внутреннюю противоречивость, драматический разлад человека, возникший вследствие отступления от законов бытия. Человек в концепции писателя, являясь биосоциальным существом, утрачивает понимание своей природности, что приводит к разрушению внутренней целостности: «Неполнота жизни, скованность и вороватость движений, душевная однобокость и вся неправильность внутреннего сложения. <...> И потому состоим из осколков, обрывков цитат, не сходящихся вместе начал и окончаний» [10. С. 105]. Другое противоречие – диспропорции между рассудочностью и душой, рассудок перестает корректироваться нравственным чувством: «Прогресс принял форму раковой опухоли, когда второстепенное возросло до огромных размеров и вытеснило главное. В человеке победил механизм физического движения, дух остался в старомодных советчиках, не нашедших решительного слова» [11. С. 328]. С точки зрения В. Распутина, «безумие происходит не от недостатка разума, <...> а от тирании вышедшего из-под контроля, переродившегося, злокачественно разбухшего «разума», того, что от него без души осталось» [10. С. 110]. Писатель говорит о «духовных трещинах, откуда сочится и высачивается человечье» [Там же. С. 109]. Оно порциями, чтобы создавалась иллюзия подлинной жизни, высасывается цивилизацией, метафорой которой становится паук, «невидимый, огромный, плотоядный» [Там же. С. 111].

Современный массовый человек, носитель поп-сознания представляется В. Распутину неисправимо уродливым, не способным к правильной жизни, охваченным алчностью и скудоумием существом: «...в последнее время произошло и впредь будет происходить решительное расчеловечивание человека, превращение его под влиянием «цивилизационных» условий в существо агрессивное, безнравственное и эгоистичное» [12. С. 8]. Пренебрежение истиной, этической мерой поступков приводит к окончательной утрате духовного.

Дискретный человек отказывается от моральных норм и своей миссии по нравственному самосовершенствованию: «Человек не выдержал своего предназначения. Он себя не выдержал, своих противоречий, которые хотелось скорей примирить, и примирять он их взялся необременительным способом «поверх добра и зла». Так было проще, чем побеждать в себе зло. Оно так долго не побеждалось, что он счел себя уставшим и свободным от борьбы» [13. С. 158]. Моральный распад человека в ходе технического прогресса цивилизации, по В. Распутину, постоянно усугубляется: «...в сравнении с тем, чем был человек хоть и сто лет назад, теперешняя его фигура и пути, которыми он руководится, заставляют и надежды высказывать неопределенно и робко» [Там же. С. 158–159]. Духовное разрушение человека, как и разрушение ландшафтов, может оцениваться как кара человеку: «...природа в своем естественном порядке вещей, как судия, поступает удивительно мудро: наказывает себя виновный. Или опустошенной землей, или опустошенной душой, а чаще и тем и другим вместе» [14. С. 267].

Писатель говорит об особой губительности этих процессов для России, что объясняется спецификой русского национального характера: «В отношении к природе и всему природному вокруг себя мы остались язычниками <...> И потому именно, что мы не вышли, как другие, из естественного состояния своего национального характера, связанного с родной стихией, неразумное обращение с этой стихией для нас губительно вдвойне. Думая об отравленной среде, мы еще прежде должны подумать об отравленной душе» [15. С. 319].

В социальном аспекте В. Астафьев выстраивает систему детерминант кризиса отношений в системе «природная среда / человек» на современном этапе, в которую входят, с одной стороны, социально-экономические факторы (структура организации государственной системы хозяйствования, сложившаяся в СССР), с другой стороны, социально-исторические факторы (хаос социальной и национальной жизни в новейшей истории страны).

В. Астафьев характеризует объективно-исторические причины «прорух», которые «...заложены в самой системе нашего хозяйствования», под которые «...подведены научные основы, теоретические и практические выкладки сделаны, планы составлены, виды на всеобщее процветание нарисованы...» [4. С. 299]: отчуждение работников от результатов своего труда порождает безразличие, система планирования и контроля – безответственность, усиливаемые в условиях политического гнета. Эта система создает предпосылки для варварского наступления на природу, формирует систему его проводников.

С одной стороны, это утопическая идеология. Современные преобразователи естественным образом попадают под очарование магии проектов: «Гигантомания, дух захватывающие перспективы роста, экономии, процветания <...> Уже и стоимость одного киловатта подсчитана. Уже сказано, что “среда” на Нижней Тунгуске малостоящая, лес однороден и беден, недра, правда, плохо разведаны, но предполагаемые несметные залежи угля и нефти можно добывать из-под воды, как на Каспии и в Баку. Народ местный, его и всего-то по Тунгуске обретается 10–12 тысяч, переселить в горы» [1. С. 21–22]. Но утопическая идеология, ложная доктрина, часто составляет лишь прикрытие личных целей – редуцируется до демагогии, «словоблудия».

С другой стороны, такая система создает особый тип «удельных князьков», «дельцов», которыми движут преимущественно меркантильные мотивы – извлечение личной выгоды из реализации проектов: доступ к материальным ресурсам и возможность воровства, получение премий, чинов, наград. В очерке «Вечно живи, речка Виви» в качестве примера приводится непоименованный начальник Красноярской ГЭС, «...видом и ухватками напоминающий Никиту Хрущева, во времена Хрущева за компанию с такими же, как он, хватами и ловкими дельцами получивший звание Героя Соцтруда» [Там же. С. 19]. В этом же очерке В. Астафьев вспоминает историю с распределением премий за сдачу Камской ГЭС, рассказанную другом-писателем Андреем Терентьевым: «Вот тебе и “рычаг” гидростроительства. Один из главных. Материальная заинтересованность это у нас зовется» [Там же. С. 40].

Неограниченность возможностей порождает гипертрофированный voluntarизм («чванство» и «самодурство»), усугубляющийся бесконтрольностью – истеблишмент изолирован от общества, избегает диалога, исключает общество из процесса принятия решений, вводит в заблуждение и неведение (тайные ядерные взрывы в разведочных скважинах в Сибири и т.д.). Как следствие – бесхозяйственность, равнодушие, сдвинутые представления о допустимом.

Истеблишмент фальсифицирует технические и экономические обоснования априори нецелесообразных проектов. Проект Красноярской ГЭС называется «мошенническим», а планируемое строительство железной дороги Красноярск – Лесосибирск – Туруханск, к месту строительства Туруханской ГЭС – «стройкой ради стройки». Как самый яркий пример приводится провал проекта Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Цель подлогов – «...любыми способами сохранить за собой самим себе устроенное житье» [16. С. 176].

Природопользование встроено в коррупционную систему Советского государства – узурпация механизмов распоряжения материальными ресурсами и их перераспределение в узком кругу. Например, В. Астафьев указывает, как личный флот гэсовского начальника ловит рыбу в красноярском водохранилище, в том числе для отправки в Москву – «...высоким покровителям и “кормильцам” сибирских покорителей природы» [1. С. 20].

Следующий уровень – рядовые исполнители: геологи-разведчики, гидростроители, лесозаготовители, рабочие нефтяных и газовых промыслов и т.д. К ним примыкают браконьеры, ряд замыкают маргиналы – «гулевой, бесшабашный люд». Эти элементы в претворении экспансии непосредст-

венно реализуют хищничество человеческой натуры. Их способ существования – кочевой, не укорененный, подразумевающий постоянные миграции; пространство, в которое они приходят извне, – чужое им. Называя их варварами, писатель в переносном значении фиксирует жестокость и дикость нравов. Этот тип, имеющий повсеместное распространение, отличает самоуверенность, грубость, беспринципность.

Система хозяйствования и природопользования, сложившаяся в нашей стране, оценивается как органичная современному состоянию социальной и национальной жизни – смятение, хаос; браконьерство свойственно психологии самых широких слоев общества. Оценивая уровень экологической культуры жителей страны, писатель замечает: «Все это выделяют люди не от голода, не от нужды, выделяют все это люди сытые...» [1. С. 36].

В публицистике В. Распутина также говорится о постепенном воцарении антропологического типа кочевника – не укорененного, не скованного моральными ограничителями, рассматривающего Сибирь как временную площадку и источник для скорого обогащения – сезонно-промыслового «временщика». Этот тип воплощает варварский способ воздействия на природную среду, освоения края. Его деятельность, особенно в последние десятилетия, оценивается как гражданская война «против собственных полей и рек, ценностей и святынь» [7. С. 121].

Итогом эволюции духовного типа кочевника к 1980-м гг. предстает его усложнение, глубокая иерархическая дифференциация, которую можно представить в виде пирамидальной структуры. Вершину пирамиды составляют союзные министерства и ведомства, абсолютизация типа «временщика». Это ирреальная, бесчеловечная, не персонифицированная сила, выражающая весь спектр негативных архетипических значений. Ведомственные империи уподобляются хищнику, вампиру, высасывающему жизненные соки из сибирской земли; военно-административной машине, осуществляющей вооруженную агрессию; варварской орде набегников и т.п.

На втором уровне находятся руководители ведомств и подведомственных организаций². Промышленный истеблишмент предстает носителем несамостоятельного типа сознания, бездумно выполняя директивы мифологической вершины пирамиды; его доводы абсурдны, основаны на подмене ценностей³. На противоположном промышленникам полюсе стоят участники охранительного движения: писатели В. Чивилихин, Л. Леонов, М. Шолохов, академики П. Капица, Б. Ласкорин и др. Отношения между полярными позициями носят характер неразрешимого антагонизма. В. Распутин вспоминает, как по-сержантски вел себя с писателями и учеными руководитель Сибгидробума Б. Смирнов, каких оценок удостоился активист движения в защиту Байкала, директор Лимнологического института СО АН СССР ака-

² Министр лесной промышленности М. Бусыгин, его заместители Г. Пронин, И. Савченко, К. Продайвода, председатель Госплана Н. Талызин, главы комиссии по строительству Байкальского ЦБК академики Н. Жаворонков и С. Вольфович, директор Института экологической токсикологии в Байкальске А. Бейль и др.

³ «Числитель, первополагающая величина, перешел у нас в знаменатель, стал второстепенной, и мы приняли это как должное. Фактор обеспечения жизни сделался зависимым от фактора повреждения жизни» [17. С. 167].

демик Г. Галазий, названный секретарем Иркутского обкома партии Р. Кацубой «пособником империализма», а бурятским партийным руководителем А. Модогоевым – «врагом бурятского народа». К этому же уровню можно отнести людей, желающих блага родному краю, но искренне заблуждающихся в путях его достижения. Например, секретаря Горно-Алтайского обкома партии В. Чаптынова или директора строящихся Катунских ГЭС: «...Юрий Иванович не сомневается, что в этом и состоит основная служба рек <...>, в том числе его родной Катунь, которая до сих пор не работала, а пустотечила» [18. С. 156].

Наконец, основание пирамиды составляет тот самый изначальный маргинальный элемент, ставший теперь, как полагает В. Распутин, массовым и распространившийся повсеместно в Сибири. Новые города оцениваются как временное пристанище и называются «нагромождением ночлежек». Предельной реализацией не укорененного способа существования предстает вахтовик – «...народ аховый, нравственные законы ему, как правило, не писаны» [6. С. 278], он пригоден только для освоения бросовых и не приспособленных к проживанию территорий. Передвигаясь с места на место, он оставляет позади себя безжизненные пространства или губительные для природы производства. Кочевой тип, как полагает писатель, не является регионально специфическим (в отличие от типа оседлого, «коренного» сибиряка), характеризуется общемировым распространением.

Осмысляя истоки современного экологического кризиса, В. Астафьев и В. Распутин ищут условия, делающие возможным дальнейшее существование человека. В. Распутин для преодоления экологического кризиса современности предлагает две взаимодополняющие стратегии – хозяйственно-экономическую и этическую. Первая стратегия заключается в формировании в современном обществе и государстве культуры хозяйствования, рационального использования и комплексного освоения природных ресурсов: «Самое время, чтобы из понятий сослагательной экономики они окончательно перешли в закон жизни и действия» [19. С. 10]. Как утверждает В. Распутин, хозяйский подход к среде обитания позволит обществу и человеку сберечь главные ресурсы – чистые воздух, воду и землю – и обеспечить тем самым будущее своих детей. В очерке «Горный Алтай» писатель рассуждает о сельскохозяйственном и туристическом предназначении Горно-Алтайского автономного округа и недопустимости в нем промышленного строительства. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, В. Распутин добивается неотложного решения вопросов «...транспорта, безвредной очистки воды без хлорирования, химизации в сельском хозяйстве, утилизации отходов, создания энергосберегающих технологий, машин и приборов, выбросов фреона в атмосферу. И так далее» [20. С. 82].

Вторая – этическая – стратегия выступает условием реализации первой и заключается в формировании экологического сознания путем гуманистического осмысления способов бытия современного человека в социуме и мироздании, пересмотра его отношений к природе и другим людям, коррекции мировоззренческих координат и системы ценностей. Основным средством реализации этой стратегии должна стать массовая работа по экологическому воспитанию: «Эта работа должна охватывать все сферы деятельности

человека от школьного образования, от привития начальной любви к животным, деревьям и травам до министерского рукоположения» [17. С. 167].

Императивной моделью нравственного существования можно признать противоположный кочевому антропологический тип оседлого сибиряка. Оседлый способ существования предстает как биогенный: укорененность на земле обеспечивает «совместимость человеческой души с природным духом» [5. С. 119], сращивание в единое целое человеческого и природного; человек находится в единстве с природой, не выделяется из нее, воздействие на окружающую среду имеет окультуривающий характер. При этом между воспроизводством культуры и природой сохраняется баланс. Экологическое сознание с опорой на эту модель заключается в осознании человеком своего нового назначения в мире – «...коль выделился он в главную на Земле фигуру, – пастырствовать всему ходячему и ползучему, лежащему и текущему, неподвижному и растущему» [8. С. 103].

В постперестроечные годы кризис промышленности (уменьшение объемов вредных выбросов), по мнению В. Распутина, уменьшает остроту экологической ситуации, но не разрешает ее, поэтому писатель продолжает добиваться реализации постановления ЦК КПСС о перепрофилировании Байкальского ЦБК. Писатель указывает на неконтролируемый вылов байкальской рыбы, которым занимается местное население, поставленное на грань выживания, не имеющее иных источников дохода. Поэтому с решением экологических проблем начинает связываться решение проблем социальных.

Экологическая программа В. Астафьева также предусматривает, во-первых, мероприятия социально-экономического характера (рациональная политика в сфере природопользования, разоружение и конверсия милитаристски-ориентированной экономики, восстановительные мероприятия) – переход от потребительского отношения к природе в процессе освоения к охранительному; во-вторых, этический императив, выраженный в формулах «созидание и разумное освоение», «заботливо родственное отношение» и т.д., что требует коренного переворота в сознании («Уже не шаги нужны, а целый переворот в сознании человека, в его взаимоотношениях с природой-матерью» [3. С. 299]), самопознания, поиска утраченных связей с бытием.

Этой цели должна способствовать воспитательная, просветительская работа – формирование экологической культуры жителей с детства: «Спастись и спасти будущее планеты и людей возможно простым и всем доступным способом – уже сейчас, с детского садика начавши воспитание детей по законам созидания, а не разрушения» [3. С. 291]; «Думаю, пора ввести в школах и вузах специальные уроки природоведения, ибо разбой в природе происходит не всегда от жадности, порой и от неведения» [21. С. 136]. Экологическое просветительство должно способствовать выработке личной ответственности каждого человека за пространство существования.

Авторский идеал, как и в публицистике В. Распутина, – биогенный способ существования, достижение динамического равновесия человека, как органического элемента биосферы с окружающей средой, опыт которого современному человеку представляют земледельцы (в частности, сибирские старообрядцы и первопоселенцы Сибири), коренные народы Севера, представители

традиционных промыслов. Этот способ существования не подразумевает оседлости как обязательного условия, его воплощают и кочевники, люди пути. Тех и других объединяет укорененность в автаркическом пространстве, отношение к земле как к пространству существования, соблюдение нормы берущегося у природы. Условием разрешения экологического кризиса является преодоление кризиса социального и национального. В. Астафьев выражает надежду на нравственную крепость народа в переходных социальных обстоятельствах заката советского государства и постсоветской России: «Государство огромно, в нем соответственно и дичь огромная, и безумство, коли оно торжествует всесметающе, но в нем культура и ее традиции так же громадны, так же многообъемны и всепроникающи, что взять их и выжечь, как русский лес, <...> невозможно» [22. С. 96]. Опоры для нравственного самостояния следует искать в традициях, культуре, понимаемой как средство поддержания человеческого в человеке – его предназначение состоит в духовном строительстве, предостережении о гибельных путях развития.

Одновременно с этим в публицистике В. Астафьева отчетливо выражен личный пессимизм, писатель не верит в реальность преодоления кризиса: «Я никакого оптимизма насчет будущего земли высказать не могу, хотя и рад бы» [3. С. 290]. Биогенный способ существования на современном этапе не достаточен – старообрядцы представляют пример сопротивляемости в культурном и нравственном аспектах, но беспомощны от наступления враждебной цивилизации; коренные народы Севера обладают низкой адаптивностью и попросту вымирают от изменения условий. В. Астафьев констатирует недостаточность сил искусства в его гуманитарной миссии: «Но всего их (ярчайших деятелей мирового искусства. – П.К.) человеческого гения, всех человеческих жертв оказалось мало, чтобы образумить род людской, чтоб вознести добро так высоко, что оно недоступно было злу» [22. С. 198]. Неоднократно высказывается осознание бесполезности экологической публицистики, как и экологического движения в целом.

Современная экологическая ситуация трактуется В. Астафьевым и В. Распутиным как кризис существования человечества, требующий от него самоопределения в бытии, этической коррекции отношений с природой, образует, помимо социального, онтологический план рефлексии. В. Астафьев и В. Распутин сближаются в понимании природы человека, однако если у В. Астафьева неразумие является изначальным свойством человека, то у В. Распутина – приобретенным в ходе истории – утрата нравственного чувства, суть разумного начала. Разрешение экологического кризиса предусматривает две стратегии: организационную (защита внешнего пространства существования) и этическую (защита внутреннего пространства существования – нравственности, культуры).

Экологическая публицистика В. Распутина имеет функциональную направленность на достижение действенности и эффективности коммуникативного акта. С одной стороны, она служит воспитанию читателя, с другой – призвана воздействовать на ответственных лиц, уполномоченных принимать решения в сфере природопользования и культуры. Для экологической публицистики В. Астафьева свойствен натурализм в описаниях, писатель подробно, в дета-

лях, наглядно изображает способы вмешательства человека в природу, живописует их последствия с обильным использованием глаголов с семантикой насилия, что свидетельствует о суггестивной направленности выступлений автора по вопросам экологии, эмоциональном модусе воздействия. Вместе с тем в публицистике обоих писателей формируется императив целостного видения мира – возвращения метафизического переживания природы человеком, т.е. за кардинальную переориентацию культурного опыта в ситуации смены культурных парадигм (патриархальной на модернистскую). Взгляды В. Распутина и В. Астафьева соотносятся с теорией превращения биосферы в ноосферу (сферу разума) В.И. Вернадского, утверждающей совместную, основанную на принципе взаимообогащения деятельность природы и человека условием дальнейшего существования и развития цивилизации.

Литература

1. Астафьев В. Вечно живи, речка Виви // Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 7–43.
2. Астафьев В. Лес не шумит, лес стонет: Из незаконченной статьи // Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 44–48.
3. Астафьев В. Хомяк технократус: Ответы на вопросы (киевский сборник) // Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 290–291.
4. Астафьев В. С карабином против прогресса // Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 292–309.
5. Распутин В. Сибирь без романтики: [Публицист. заметки] // Сибирь. 1983. № 5. С. 106–128.
6. Распутин В. Моя и твоя Сибирь // Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... М., 1991.
7. Распутин В. Байкал // Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... М., 1991.
8. Распутин В. Миллионелетия Рольфа Эдберга // Сибирь. 1989. № 4. С. 100–106.
9. Распутин В. Сколько лет будет в XXI веке? Преддубилейные заметки // Вост.-Сиб. правда. 1994. 10 сент. С. 6, 11.
10. Распутин В. Вниз по Лене-реке: Очерк // Наш современник. 1993. № 11. С. 95–111.
11. Распутин В. Вся жизнь страда: К 80-летию Дмитрия Сергеевича Лихачева // Распутин В.Г. Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии. Иркутск, 1987. С. 326–334.
12. Распутин В. «...Но как на свете без любви прожить» / Беседу вел А. Харитонов // Сел. жизнь. 1998. № 5 (22295). 15 янв. С. 8–9.
13. Распутин В. Из глубин в глубины // Распутин В.Г. Россия: дни и времена: Публицистика. Иркутск, 1993. С. 151–161.
14. Распутин В. От составителя: [Послесл.] // Санный путь. Иркутск, 1983. С. 267–268.
15. Распутин В. Жила-была сказка... Живет ли она?: [Послесл.] // Евсеев И. Крик короля. М., 1982. С. 317–319.
16. Астафьев В. Да пребудет вечно... // Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 169–182.
17. Распутин В. Вопросы, вопросы // Распутин В.Г. Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии. Иркутск, 1987. С. 160–180.
18. Распутин В. Горный Алтай // Распутин В.Г. Сибирь, Сибирь... М., 1991.
19. Распутин В. Моя и твоя Сибирь // Распутин В.Г. Повести. Хабаровск, 1984. С. 5–11.
20. Распутин В. Живу судьбой России / Беседу вел А. Анисенков // Советы нар. депутатов. 1989. № 8. С. 80–85.
21. Астафьев В. Выбрал бы ту же самую... Интервью на 13-й странице «Недели» // Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 130–138.
22. Астафьев В. Сгорит божественная скрипка: Два письма-ответа на вопросы корреспондента журнала «Российская провинция» // Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 94–100.
23. Астафьев В. Там, где пролита кровь // Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 12: Публицистика. Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. С. 191–199.